
Собор 1490 года против еретиков живовступающих. Думается, что старец Паисий мог встречаться также с князем-иноком Вассианом (Патрикеевым), который после постигшей в 1499 году опалы был пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре.

Старец Паисий Ярославов это аскет, монах, подвижник, книжник, писатель, переписчик рукописей. Зачастую мы знаем гораздо больше о хозяйственной деятельности подвижников, поскольку она отражена в актовом материале, чем об их подвижнической жизни. Поэтому изучение круга чтения подвижника на основании сохранившихся его рукописей плодотворное направление исследовательской деятельности. Сам факт наличия в древнерусской книжности «паисиевских» рукописей свидетельствует о его почитании. Несомненно, что старец Паисий стремился к пустынножительству и уединению, но оказывался в самом центре страны и Церкви. При этом можно утверждать, что среди различных подвижников, стоящих у истоков Русской Фиваиды, достойное место занимает имя известного в то время подвижника, старца Паисия Ярославова. В начале XX века в качестве назидательного чтения было составлено «Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII, XIX веков», переизданные 90 лет спустя возобновлённой Оптиной пустынью. Сведения о некоторых из них послужили затем материалом к их канонизации. В древности подобные труды не составлялись, но тем не менее имя старца Паисия Ярославова сохранилось на страницах Волоколамского Патерика и других рукописях, а также в нашей отечественной истории.

Н. В. Трофимова (Москва)

СЛЕД «ЗАДОНЩИНЫ» В ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

В Псковской I летописи по Погодинскому списку и списку Оболенского под 7022 г.¹ и в Псковской III летописи по продолжению Архивского 2 списка (в сравнении со Строевским) под 7021 г.² находится повествование о битве москвичей с литовцами под Оршой, отсутствующее в других летописях.

Псковская I летопись по Погодинскому списку	Псковская 3 летопись по Архивскому 2 списку
<p>В лѣто 7022. Бысть побоище велие москвичем с Литвою под городом под Оршою; и возкличаша и возопиша жены орѣшанки на трубы московския, и слышаше быти стуку и грому великому и между москвич и Литвою. И вдариша москвичи на Литву, руския князи и бояре з дивными удальцы рускими сыновами на сильную рать литовскую, и трѣснули копья московская, и гремять мечи булатныя о шеломы литовския на поли оршинскомъ. Бысть непособие божие москвичам, и поимаша Литва поганая больших воевод Иванна да Михаила и</p>	<p>В лѣто 7021. Бысть побоище великое под Оршою москвичам, и воскликаша и возопиша жены орѣшанки на трубы московския, и слышаше быти стуку и грому велику между псковичами и Литвою; и вдариша бояре и князи руския з дивными удальцы сыновами рускими на сильную рать литовскую, и трѣснули копия литовския, и гремятъ мечи булатныя о шеломы литовския на поли оршинскомъ. Бысть непособие божие москвичам, и поимаша Литва поганая больших воевод Иванна да Михаила и</p>

¹ Псковская I летопись по Погодинскому списку // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. С. 98

² Псковская 3 летопись по Архивскому 2 списку // ПСРЛ. М., 2000. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. С. 260.

Оршиком. И бысть непособие божие москвичам, и поимаша Литва поганая болшихъ воевод, Ивана Ондрѣевича и князя Михаила Голицу, и иных **князеи и бояр и детеи боярскихъ удалых**, а иные побегоша къ Смоленьску, а иные **в реки непроходимыя забѣгоша**.

иных **князеи и бояр и дѣти боярскихъ удалых**, а иные побѣгоша къ Смоленску, а иные **в рѣки непроходимыя забѣгоша**.

Ермолинская летопись, Московский свод 1518 г. не содержат рассказа об этом событии, Воскресенская и Никоновская представляют совершенно иной текст документального характера, лишенный поэтических приемов, в других списках псковских летописей есть лишь погодные записи о поражении московского войска под Оршей.

ПЛ сохранила повесть в своде редакции 1547 г., отличающемся уважением к великому князю московскому. Повесть ПШЛ представляет собой слегка искаженную редакцию текста по ПЛ. Сохранилась она только в Архивском 2 списке 17 в., принадлежавшем В. Н. Собакину, по заказу которого, по мнению А. Н. Насонова, он был переписан с рукописи, содержавшей свод игумена Корнилия 1567 г., продолженной до 40-х г. XVII в., и с приписками, сделанными в середине того же столетия в Псково-Печерском монастыре. В рукопись Собакина были внесены, по сравнению с протографом, некоторые дополнения³. В Строевском списке, взятом за основу А. Н. Насоновым при публикации текста, поскольку он, по мнению исследователя, представлял оригинал летописного свода игумена Корнилия, под тем же годом дана погодная запись. Повесть помещена в той части Арх. 2-го списка, которая повторяет материал по сравнению со Строевским (кончающимся 1567 г.) начиная с 1493 г. Таким образом, повесть попала в свод, переписанный в XVII в., явно из дополнительного по сравнению со сводом 1567 г. источника.

В. И. Охотникова отмечала, что «взаимоотношения между ПЛ и ПШЛ за конец XV–XVI в. еще не выяснены. Близость между ними в отдельных текстах наблюдается и после 1481 г., что предполагает существование еще одного свода, служившего их общим источником. В ПШЛ текст этого источника передан в более сокращенном виде, чем в ПЛ»⁴. Относительно повести о битве под Оршей последнее утверждение практически не подтверждается.

Различия двух списков были отмечены М. А. Салминой: «Рассказы о битве под Оршей в обеих летописях разнятся только тем, что в своде 1547 г. силой, противостоящей литовцам, изображены «москвичи», у «москвичей» «копья трещат», в Псковской III, хотя поражение и терпят «москвичи», с Литвой борются «псковичи», при этом «копья трещат» «литовские»⁵. Уточним, что с самого начала текста в ПШЛ смешиваются упоминания москвичей и псковичей как врагов литовцев: жены орешанки вопиют на трубы московские, а стук и гром между псковичами и литвой; непособие Божие обращено вновь к москвичам. В ПЛ сказано «вдариша москвичи на Литву», а в ПШЛ оставлен только следующий далее оборот «вдаришася бояре и князи руския». Такая непоследовательность может быть объяснена удаленностью составителя либо переписчика ПШЛ от событий или его псковскими пристрастиями. В то же время мы не находим в тексте ПШЛ сколько-нибудь существенных сокращений. Из стилистических оборотов изменено только указание на место битвы: «под городом под Оршою» в ПЛ и «под Оршею» в ПШЛ.

В повести обнаруживаются следы знакомства автора с текстом «Задонщины». Это отмечено было еще А. И. Смирновым в XIX в., причем исследователь, специально занимавшийся вопросом об отражении текста «Слова о полку Игореве» в Псковской летописи, уже тогда отметил, что отрывок этот ближе к «Задонщине», чем к «Слову»⁶. Им были выделены четыре

³ Насонов А. Н. Предисловие // ПСРЛ. Псковские летописи. М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 7.

⁴ Охотникова В. И. Летописи псковские // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 139.

⁵ Салмина М. А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 524. Прим. 2.

сходных оборота: глаголы «воскличаша и возопиша», оборот «быти стуку и грому великому», картина стука оружия во время боя и выражение «з дивными удальцы».

В XX в. к тому же тексту обратилась М. А. Салмина. Исследовательница привела в параллель летописному тексту варианты соответствующего описания битвы в «Задонщине» по трем спискам и пришла к выводу о том, что отрывок «в отдельных чтениях может быть сближен со списком К-Б» (Кирилло-Белозерским, представляющим краткую редакцию), «но в основном, и композиционно, и текстуально, рассказ Псковской летописи сближается с полными списками «Задонщины». При этом М. А. Салмина указала на совпадение ряда оборотов с конкретными списками и отметила, что «рассказ Псковской летописи восходит к пространному тексту «Задонщины», которому, по-видимому, были присущи отдельные черты, сохранившиеся в списке К-Б»⁷. Для сопоставления в работе были привлечены центральная часть псковского рассказа и только два отрывка из «Задонщины»: предсказание о будущем бое и собственно описание битвы. Лишь в сносках упоминается о наличии в псковском отрывке отдельных выражений, совпадающих с печатным вариантом «Сказания о Мамаевом побоище»⁸. Думается, что вопрос о взаимоотношениях псковского отрывка с памятниками Куликовского цикла должен быть рассмотрен более детально.

Прежде всего несомненно, что не только выделенный М. А. Салминой фрагмент имеет переклички с текстом «Задонщины», но и рассказ об исходе и последствиях боя. На эту мысль наводят оборот «князеи и бояр и детеи боярскихъ удальыхъ» и концовка текста «а иные в реки непроходимыя забъгоша», нехарактерные для повествования ПЛ, но находящие аналогию в рассказе о Куликовской битве. Следующая таблица иллюстрирует характер совпадений:⁹

Краткая ред. по К-Б списку	Простр. ред. по Синод. списку	Простр. ред. по списку Унд.	Простр. Ред. по списку ГИМ
...трубы трубять в Серпуховѣ (С. 89)	...трубы трубят у Серпугове (С. 98)	Князи и бояря и удальые люди (С. 112)	...трубы трубят на Коломнѣ (С. 127)
Уже, бо, брате, стукъ стучить и громъ	Сильных удальцах (С. 98)	В трубы трубят на Коломнѣ (С. 113)	Изберем братью милую пановеи удалии
громить в славне городѣ Москвѣ. Тоти, брате, не стукъ	...испытаем мечов своих литовских а	...храбрых удальцов (С. 114)	Литвы, храбрых удальцевъ...
стучить, ни громъ	шоломов татарских, солиц немецких...	Испытаем мечев своих литовъских о	испытаем мечевъ
громить, стучить	(С. 99)	шлемы татарские, а сулицъ немецких о	своих литовъских о
сильная рать великаго князя Ивана	Вжо, брате, стук	боеданы	шлемы татарскыя, сулицъ немецъкых баиданы
Дмитриевича, гремяты	стучит, и гром	бусурманские	бесерменьскыя
удалци золочеными	гриmit в камене	(С. 114)	(С. 127)
шлемы» (С. 90)	граде Москве. То ти,	Уже бо, брате, стукъ	Уже бо, брате, стукъ
Грянуша копия	брате, не стук	стучит, ни гром	стучить, громъ
харалужныя, мечи	стучит, и гром	гриmit, стучит рать	гриmit в каменѣ
булатныя, топорилетки,	великого князя	грѣmit в каменом	градѣ Москвѣ, стучить
щиты московскыя,	Дмитрия Ивановича,	граде Москвѣ. Что,	сильная рать
шлемы нѣмецкие,	гримят русская	брате, стучит	великого князя,
боданы бесерменьскыя	удальцы золотыми	великая сильная рать	гримяты удальцы
(С. 90)	доспехи...» (С. 99)	великаго князя	русскыя золочеными

⁶ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве». Воронеж, 1879. Вып. II. С. 182–183.

⁷ Салмина М. А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина». С. 525.

⁸ Там же. С. 524. Сноска 4; С. 525. Сноска 7.

⁹ Тексты приводятся с указанием страниц в скобках по изд.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

<p>Тогда же восплакашася горко жены... (С. 91)</p> <p>...за Русскую землю, за святыя церкви, за православную вързу дивными удацами, с мужескими сыны» (С. 91)</p>	<p>Быти утупу великому на реце Непрадене, меж Дона и Непра (С. 99)</p> <p>...А богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого Мамая (С. 99)</p> <p>...а шоломы чиркасия, а щиты московския, а сулицы немецкия, а кафыи фразския, а кинжалы мичурскими, а мечи булатныя (С. 100)</p> <p>...то ти уже изъехалися удальные люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татарския и удариша кафыи фразскими а даспехи татарскими, возгримели мечи булатныя абы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене (С. 100)</p> <p>Туча сильная изступишаася, а вид них сияли сильные великия молныя, громит гром силныи (С. 101)</p> <p>Гремели князеи руских доспехи и мечи булатныя и обышаки московския (С. 101)</p> <p>...восплакали кнегини и боярки избиенных мужеи (С. 101)</p> <p>...и зседоша удальцы</p>	<p>Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, громят удальцы руские злаченными доспѣхи и черлеными щиты московскими (С. 114)</p> <p>...Быти стуку великому на речке Напрядѣ (С. 114)</p> <p>А шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фрясские, а мечи булатные (С. 115)</p> <p>...и удариша копье фараужными о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Напрядѣ (С. 115)</p> <p>То ти ступишаася руския удальцы с погаными татарами (С. 115)</p> <p>...грѣмѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские (С. 115)</p> <p>Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных (С. 116)</p> <p>...и ссыдша удальцы з добрых коней (С. 116)</p> <p>И восплакалися жены коломенськие (С. 116)</p> <p>И загрѣмѣли мечьми булатными о</p>	<p>доспехы, черлеными щиты (С. 127)</p> <p>Быти стуку велику на рѣчкѣ Направдѣ межь Дономъ и Непром (С. 127)</p> <p>...а шеломы черкасськие, а щиты московъские, а сулицы ординские, а чары франьския, мечи булатныя (С. 128)</p> <p>И наѣхали рустии сынове на сильную рать татарьскою, ударишаася копии хараужничными о доспехы татарскыя, възгрѣмѣли мечи булатныя о шеломы хиновския на полѣ Куликовъ на рѣчкѣ Направдѣ (С. 128)</p> <p>...гремѣли князи руския мечи о шеломы хиновскыя (С. 129)</p> <p>...вси въсплакались к неи боярыни избиенныхъ, воеводины жены (С. 129)</p> <p>...всѣ въсплакалися жены коломенскыя (С. 130)</p> <p>Гремят мечи булатныа о шеломы хиновские (С. 130)</p> <p>Братия бояре и воеводы, дѣти боярские (С. 130)</p> <p>Гремят мечи о шеломы хиновъския (С. 130)</p> <p>Туто ся поганыи разлучишаася боръзо,</p>
---	--	--	--

<p>и з борзых конеи (С. 102)</p> <p><i>Восплакалися жены</i> поломяныя (С. 102)</p> <p><i>Гримят мечи</i> булатныя об шеломы татарския (С. 102)</p> <p><i>...крепким воеводам</i> <i>и сильным великим</i> <i>бояром и детем</i> <i>боярским</i> (С. 102)</p> <p><i>Братя руская, князи и</i> <i>воеводы и бояре и</i> <i>боярские дети</i> (С. 102)</p> <p><i>И побегоша</i> <i>татарове</i> <i>нетоличными</i> <i>дорогами</i> (С. 103)</p> <p><i>Иныя многия руския</i> <i>вдальцы, князи, и</i> <i>бояре, и боярския</i> <i>дети</i> возвратишаяся из своим господарем ко славному граду Москве (С. 103)</p>	<p>шеломы хиновские (С. 117)</p> <p>Братия бояра и воеводы и дѣти боярские (С. 117)</p> <p><i>И гремят мечи</i> булатные о шеломы хиновские (С. 117)</p> <p>Туто поганые разлучишаяся розно и побѣгши</p> <p>неуготованными дорогами в лукоморье (С. 118)</p> <p><i>И трубы их не</i> <i>трубят</i> (С. 118)</p> <p>Братие бояра и князи и дѣти боярские (С. 119)</p>	<p>Розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье (С. 130)</p> <p><i>Трубы ихъ не</i> <i>трубять</i> (С. 131)</p>
--	---	--

Создатель повествования в нескольких строках сумел сконцентрировать обороты, как правило, многократно повторяющиеся в «Задонщине». Они связаны преимущественно с описанием сражения и характеристикой воинства. При этом лишь отдельные из них перенесены в летопись без изменений, большинство же превращаются в отзвуки текста более раннего памятника. В этом отношении характерно, например, что в самом начале упоминается плач жен-орешанок, связывающийся прямо со звуками ратных труб. В «Задонщине» трубы трубят в начале произведения, а плач жен (причем не врагов, а русских воинов) появляется уже после описания битвы. Автор летописного текста соединяет два запомнившихся образа. Оборот «быти стуку и грому великому» воспроизводит многократно повторяющуюся в вариативных формах картину стука и грома оружия собирающегося, а затем бьющегося войска. Некоторые фрагменты «Задонщины» преобразуются почти неузнаваемо: «побегши неуготованными дорогами» превращается во фразу «в реки непроходимыя забегоша».

Поскольку следы «Задонщины» обнаруживаются в ряде произведений Куликовского цикла, в том числе в самом распространенном — «Сказании о Мамаевом побоище», логично предположить, что автор псковского рассказа мог заимствовать отдельные выражения через них. Однако ни один из этих текстов не содержит того набора, который отражен в повести о битве под Оршей. Наибольшее число сходных с ней оборотов находим в Основной и Печатной редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», видимо, потому, что изо всех редакций памятника они наиболее полно использовали текст «Задонщины».

Сказание о Мамаевом побоище¹⁰

Основная редакция	Печатная редакция
И по всѣ князи русские скорые гонцы разославъ, и по вся воеводы местныа, и по дѣти боярскые, и по всѣ служилые люди (С. 28)	Уже бо стук стучит аки гром гремит – во славне городе Москвѣ стучит рать, сила великаго князя Димитрия Ивановича, руския удалцы колантыри злачеными о щиты червленыя (С. 108)
То уже, братие, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнем градѣ Москвѣ, то идеть силнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремять русские сынове своими злачеными доспехи (С. 30)	...а руския удалцы сведомы, имеют... сабли булатные (С. 111)
...жены ту стояще, проводы дѣюще, въ слезах и въ склицании сердечнем не могуте ни слова изреци... хотят ударитися на многыя стада ... то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ (С. 33)	...а по них русския сынове спешно грядут ... в трубы трубят... съехалися руския удалцы...
...а по немъ грядуть русские сынове успѣшно... уже бо, братие, стукъ стучить и громъ гремить по ранней зорѣ, князь Владимиръ Андрѣевичъ Москву-рѣку перевозится ...начаша многих трубъ ратныхъ гласы гласити... (С. 34)	Великъ бысть стук и гром – по зоре стучат, гремят руския удалцы. Сынове же руския наступают поля коломенсия... (С. 112)
...аки громъ великий гремить... (С. 40)	Мнози же сынове руския возрадовашася... (С. 116)
...удалыхъ витязей, крѣпкихъ въиновъ... начаша гласи трубни обоихъ пльковъ сниматися, татарьскыя же трубы яко онемѣша, а русскыя трубы паки утвердиша (С. 41)	...ужасно зрети таковыхъ русскихъ князей и ихъ удалыхъ детей боярскихъ... Братия моя, руския удалцы... (С. 117)
...богатыри же русскыя и воеводы, и удалыя люди... клонятся на землю под коньскыя копыта: мнози же сынове русскыя състроша (С. 44)	Слышав же стук велик и клик... аки трубы гласище (С. 118)
Братиа, русскыя сынове, князи и бояре, и въеводы, и дѣти боярьскыя... И повелѣ трубити въ събранные трубы... (С. 47)	...и трубы многи гласят. Уже бо рускихъ князей и воевод и у всехъ удалыхъ людей окротиша кони от глас трубныхъ... начаша гласи трубныя от обоихъ стран сниматися.
...князи и боаре, и въеводы, и молодые люди, русскыя сынове... (С. 48)	Татарскыя трубы аки онемеша, руския же паки утвердиша. (С. 119)
	И крепко сступиша, треснуша копии харалужныя, звенят доспехи злаченыя, стучат щиты червленыя, гремят мечи булатныя, блестають и сабли булатныя (С. 121)
	Удалци руския, аки силнии древа сломиша... мнози удалцы урывающеся... мнози же сынове руския състроша (С. 122)
	Сынове же рускии ... бияху их... Гониша руския удалцы... собирахуся с побоища руския сынове... (С. 123)
	...повелѣ трубити собирателю трубою...
	Братие князи руские и воеводы, и бояре местныа, и сынове Руския земли... (С. 125)
	Братие князи руския и воеводы местныа, и бояре силныа, и вси удалыя сынове руския...
	Руския же удалцы... (С. 126)

¹⁰ Текст «Сказания о Мамаевом побоище» цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Из приведенной таблицы видно, что большинство оборотов псковской повести находят себе аналогии в двух редакциях «Сказания», причем большинство из них, как и в «Задонщине», повторяются неоднократно. В Основной редакции отсутствует картина треска копий и грома мечей во время боя, в Печатной нет аналогии обороту «возкличаша и возопиша жены»; в обеих не упомянуто, что враги, как сказано в «Задонщине», «побѣгше неуготованными дорогами». В то же время в Основной редакции упоминание плача жен ближе к псковской повести, чем в «Задонщине»: оборот «жены ту стояще...въ слезах и въ склициании сердечнем» больше напоминает «возкличаша и возопиша жены», чем «восплакашася жены» в «Задонщине». М. А. Салмина отметила, что «в печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» имеется выражение «треснуша копия»... Это выражение, как и выражение «треснули копья» Псковской летописи, перекликается с чтением «трещат копия» «Слова о полку Игореве»¹¹. Действительно, это выражение переиначено и в краткой («грянуша копия»), и в пространной редакции «Задонщины» («ударишася копии») и отсутствует в Основной редакции «Сказания». Таким образом, элементы, использованные автором псковской повести, в принципе могли восходить как к «Задонщине», так и к «Сказанию о Мамаевом побоище» в печатном варианте, однако создание Погодинского списка (наиболее раннего из сохранивших рассматриваемый текст) во второй половине XVI в.¹², а печатной редакции «Сказания» ближе к 1680 г. (она вошла в третье издание «Синописца»)¹³ исключает возможность заимствования из него и подтверждает, что источником псковской повести была «Задонщина».

В то же время нельзя проигнорировать мнение А. И. Смирнова, который писал: «Псковский летописец по складу речи и по силе поэтического одушевления близко подходит к автору Слова о полку Игореве. Можно даже полагать, что он знаком был со Словом, пленялся его красотами и в некоторых местах следовал ему. Особенно это сходство является в известиях, касающихся первых годов XVI-го века»¹⁴. Наряду с рассматриваемым текстом исследователь находил следы этого памятника в повести о битве псковичей с немцами под 1504 г. (в изданных списках она находится под 1501 г.) и плаче города Пскова в повести 1510 г. о Псковском взятии. Имея в виду загадочное происхождение оборота «треснули копья» в тексте о битве под Оршей, попробуем выяснить, обоснованно ли предположение А. И. Смирнова.

Интересующие нас фрагменты принадлежат тем же спискам, что и повесть об Оршинском сражении: Погодинскому и Архивскому 2-му в его продолжении по сравнению со Строевским. В повести о битве с немцами А. И. Смирнов обратил внимание на обороты «и бысть туча велика, грозна и страшна от стука пушечного» (№ 1) и «бѣжачи пометаша своя быта»¹⁵ (№ 2). В том же тексте со «Словом» могут быть соотнесены еще два выражения: вариант в ПЛ «плач и рыданье» (С. 86) или «туга и плачь» (ППЛ. С. 252) (№ 3), вариант ПЛ «щитом да с сулицею» (С. 86) или «щитом и сулицами» (ППЛ. С. 252) (№ 4). Второй оборот встречается в ПЛ, причем не только в рассматриваемых списках, но и в Строевском: «пометавъ кони и всякой запас (1560 г. С. 238). Аналогии первому, третьему и четвертому примерам находятся в списках «Задонщины»: (№ 1) «на том полѣ силныи тучи ступиша, а из них часто сияли молыни и загрѣмели громы велицыи» (С. 115); «...возвеяша сильнии вѣтри... прилѣлѣяша великиа тучи...» (С. 127), «Тогда бо сильнии тучи съступалися вѣмѣсто, сильнии молнии, громи гремѣли велицѣ» (С. 129); (№ 3) «А от Калатьских рати до Мамаева побоища тую и печалию покрышася (С. 112); «А уже бо вѣстонала земля

¹¹ Салмина М. А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина». С. 524. Сноска 4.

¹² Насонов А. Н. Введение // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып.1. С. XIV.

¹³ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306.

¹⁴ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве». С. 180.

¹⁵ Там же. С. 182.

Татарская, бедами и тугою покрышася» (С. 131); (№ 4) «а щиты московские, а сулицы немъцкие» (С. 114, 128). Сочетания, подобные третьему примеру, встречаются в ПЛ: «тугою и печалию» (Строев. сп. 1341 г. С. 96) «туга и плач» (Строев. сп. 1446 г. С. 136) «от слезъ и туги», «плач и рыданье и стонание» (Арх. 2-й сп. 1510. С. 255) (в ПЛ аналогичные случаи в том же тексте отсутствуют), «с плачем и рыданием» (ПЛ. С. 95; Арх. 2-й. С. 257), «туга и скорбь» (Арх. 2-й. С. 261).

Следующие аналогии со «Словом» А. И. Смирнов находил в повести 1510 г. о взятии Пскова, сближая плач Пскова с речью Донца¹⁶. Текст, содержащий плач Пскова, есть только в тех же списках, что и повесть о сражении под Оршей. Стилистика его наводит на мысль о следовании не «Слову о полку Игореве», а Библии и памятникам красноречия.

Первая же фраза плача содержит библейские образы:

Погодинский список	Архивский 2-й список	Библия
...прилетѣл на мене многокрильныи орел, исполнъ крыле нохтеи, и взя от мене кедра древа ливанова... (С. 95)	И прилѣтѣл бо на мя многокрыльныи орель, исполнъ крыле львовых ногтеи, и взять от мене три кедра ливанова, и красоту мою и богатество и чада моя восхити... (С. 257)	Сия глаголеть Адонаи Господь: Орелъ великии, великокрильни, долгий протяжениемъ, исполнъ ногтей, иже имать повеление внити въ Ливанъ, и взя избранныя кедра и верхи мягкости острога, и принесе я въ землю Хананейску, во граде ограждениемъ положи я (Иезек. 17:3) ...власи ему яко льву возрастоша и ногти ему аки птицамъ (Дан. 4: 30) Первый аки львица имъи криле, криле же его аки орли... (Дан. 7:4) ...яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится (Пс. 91:13) Насытятся древа польская, кедри ливанстии, ихже еси насадиль (Пс. 103: 16).

Заметим, что текст ПЛ ближе к тексту первоисточника, в нем нет вставленного в ПШЛ и явно избыточного образа льва и упоминания о трех кедрах. Однако дополнения, внесенные в более позднюю редакцию летописи, легко объяснить: орел, лев, ливанские кедры — постоянные образы библейских книг, причем образы орла и льва достаточно часто соседствуют, поэтому не удивительно, что они соединились в древнерусском тексте.

Картина разорения города, включенная в плач, содержит реминисценции из «Слова первого» Серапиона Владими르ского:

Погодинский список	Слово 1 Серапиона
...попустивши Богу за грѣхи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град нашъ разорися, и люди наши плениша, и торжища моя	...попустивши Богу, и землю нашу пусту сотвориша, и грады наша плениша, и церкви святыя разориша, отцы и братию нашю избиша,

¹⁶ Там же. С. 181.

<p>раскопаша, а иные торжища калом коневым заметаша, и отца и братию нашу розведоша, где не бывали отцы наши и дѣды ни прадѣд наших, тамо отцы и братио нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша (С. 96)</p>	<p>матери наши и сестры наши в поруганье быша (С. 109)¹⁷</p>
--	---

Несмотря на дополнения, сделанные псковским летописцем, схема описания вполне узнаваема. Происхождение ее подтверждается текстом поучения, следующего непосредственно за плачем (в Арх. 2-м оно отделено подзаголовком «Поучение», которого нет в Погод. и Обол.) и взятого из того же источника.

Погодинский список	Слово 1 Серапиона
<p>Ныне же се, братъе, ведуще, убоимся прещения сего страшнаго, припадем к господу своему, исповѣдающеся грѣхов своих, да не внидем в большੀ гнѣв господень, не наведем на ся казни горши первои, а еще ждеть нашего покаяния и обращения. (С. 96)</p>	<p>Ныне же, братъе, се ведуще, убоимъся прещенья сего страшнаго и припадем господеви своему, исповедающесь: да не внидемъ в болши гневъ господень, не наведемъ на ся казни болша первое. Еще мало ждеть нашего обращеня. (С. 109)</p>

Таким образом, мнение о сходстве плача Пскова со «Словом о полку Игореве» не подтверждается, как и мнение о сходстве с ним других отрывков исследуемого памятника. Поэтому вопрос о происхождении выражения «треснули копья» в повести о битве под Оршей остается открытым. Можно предполагать, что псковский летописец располагал каким-то списком «Задонщины», воспроизведившим этот оборот «Слова». Из него же он мог быть заимствован и в позднюю печатную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище».

Последняя проблема, стоящая в связи с повестью о битве под Оршей, касается причины использования текста «Задонщины» псковским летописцем.

Автор псковской повести рассказывает о поражении войска московского князя, на первый взгляд, используя традиционные средства, но если учитывать исход боя, то возникает сомнение в искреннем сочувствии его московским воинам: слишком настойчиво он величает их удалыми, в том числе и сообщая об их пленении и бегстве с поля боя. Последовательное использование летописцем стилистических оборотов из «Задонщины», рассказывающей о победе московского князя на Куликовом поле, для описания бесславного поражения войска его потомка может свидетельствовать об авторской иронии. Тогда появление этого текста в Погодинском 1 списке, отражающем, по мнению А. Н. Насонова, настроения, сочувственные власти московских государей, не совсем оправданно, так же как его отсутствие в Строевском списке, отражающем свод 1567 г. игумена Корнилия, оппозиционный власти Москвы¹⁸.

Возможен и другой вариант толкования повести: ее автор не учел различия исторических событий в момент сражений на Дону и под Оршей и механически приложил стилистические обороты древнего памятника к событиям XVI века, искренне желая превознести московское воинство. В этом случае более понятно включение этого рассказа в промосковскую редакцию и отсутствие его в оппозиционной. Но тогда становится ясным, что источником Архивского 2 списка был не только свод игумена Корнилия, но и какой-то из списков свода 1547 г., часть которого не случайно была включена в Арх. 2-й после окончания последовательного ряда

¹⁷ Поучения Серапиона цит. по изд.: Красноречие Древней Руси (XI–XVII в.). М., 1987.

¹⁸ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. С. 19–20.

датировок и повторила в ином виде рассказ о тех же событиях. Такая связь предполагалась А. Н. Насоновым (см. таблицу генезиса летописных памятников Пскова¹⁹), совпадение рассмотренного ряда текстов подтверждает ее.

Итак, анализ материала псковской повести о битве под Оршой в соотношении с рядом древнерусских памятников приводит к следующим выводам:

1. Повесть о битве под Оршой имела своим источником текст «Задонщины», в деталях, возможно, не совпадающий с дошедшими до нас списками.

2. Пока нет серьезных оснований предполагать знакомство псковского летописца со «Словом о полку Игореве».

3. Автор повести о битве под Оршой, вошедшей в свод 1547 г., был весьма образованным книжником, легко включавшим в свое повествование тексты разновременных памятников различных жанров. Дальнейшее исследование литературных реминисценций в текстах псковских летописей может раскрыть новые их источники.

4. Рассмотренный материал позволяет подтвердить гипотезу А. Н. Насонова о том, что оригинал Архивского 2-го списка, содержавший ГПЛ, использовал свод 1547 г. как дополнительный источник.

¹⁹ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. LXII.

